

Summary

The Concept of Human Nature in Early Medieval Philosophy: Johannes Scottus Eriugena

*Paper to be Presented in Section no. 32 (History of Medieval Philosophy)
of the XIX World Congress of Philosophy, Moscow 1993
by*

Professor Dermot Moran
University College Dublin

Early medieval philosophy before Anselm is not usually considered to have contributed greatly to the development of the concept of human nature in western culture - beyond the received notions of human nature transmitted by St. Augustine and based on Platonic, Neoplatonic and Roman sources. I shall argue that a radically idealist account of human nature is to be found in the writings of the Carolingian philosopher, Johannes Scottus Eriugena (c.800 - c.877), specifically in his dialogue, *Periphyseon*. Eriugena's dialectical account of human nature forces us to recognize that developed concepts of human subjectivity, interiority and of perspectivism already existed in the ninth century long before the so-called discovery of subjectivity in Descartes.

Джумаев Р.З.

"АРИСТОТЕЛЬ И ИБН СИНА: СВЕТА ИСТИНЫ"

В выступлении анализируются оригинальные разработки выдающегося ученого-энциклопедиста средневекового Востока Абу Али Ибн Сины (Авиценны) в области символической и формальной логики, исследуется его новаторский вклад в развитие философии. Рассматриваются разработка метода комбинаторий в математической логике, классификация наук, теория вывода Аристотеля и Ибн Сины, творческая разработка им логики Стагирита, проблема экзотерического и эзотерического знания. Историко-философский анализ наименее известных работ Ибн Сины, в особенности, сохранившихся фрагментов "Восточной философии", позволил автору осветить некоторые неизвестные ранее особенности творчества философа из Бухары, в частности, его оригинальное понимание истинного знания, специфики его методологического подхода к проблемам логики, философии и естественных наук.

Подвергаются критике попытки принижения роли творчества мыслителя в историческом развитии логической науки.

1. Быть в культуре означает представить конечную земную жизнь как вечную, и потому не длящуюся, но пребывающую. Каждый миг полнится вечностью, свидетельствует о ней. И тогда миг смерти не существует, ибо встроен в вечность. В небытийственной точке смерти стянуто прошлое как память и будущее как надежда или воздаяние.

2. Неумолимость посмертного воздаяния ограничивает божие произволение и – тем более – свободу человеческой воли. Но жить по истине – свободное действие, индивидуальный опыт, запечатленный в исповедальном слове.

3. В нем сходятся "сейчас" и "через века". Миг объемлется вечностью. Вечность полнится мигом; но мигом покаяния, в котором прозревается посмертное воздаяние.

4. Исповедальное слово организует хаос сознания, провидит в нем порядок культуры /средневековой и всей европейской/, преодолевающей смертность человеческой жизни представленностью ее в самодостаточности вечности – в блаженном ужасе Страшного суда. Самосознание личности – самосознание культуры. Их отождествление – чаяние и мучение августиновского человека на границе языческой и христианской эпох.

5. Итак: осознание Я в его настоящей всецелости; но Я памятливого /память как настоящее прошлого/ и обнадуженного /чаяние как настоящее будущего/. Одно сплошное настоящее: эта жизнь, совпавшая с вечной жизнью после Страшного суда; жизнь в миге обращения. В каждой точке собственного бытия – свой миг своего обращения. В этом и состоит смысл бытия в культуре. vita mortua – смертная жизнь.

6. У кого же учиться таким вот образом быть? Ясно, что у Христа. С его жизни, в идеале, сделать свою собственную – по священному образцу в ежесекундном со-переживании со страстями Иисуса Христа. Столь же священо и будущее – в ответах Страшного суда. И тогда настоящая твоя жизнь – вдвойне сакральна.

7. Но все это – под взором "умной души" самого Августина, сопрягающего мгновение и вечность в точке акме – фокусе схождения прошлого и будущего в сиюминутном лицезрении; в зеркале смерти, но и в зеркале жизни учителя из Галилеи.

8. Так память и надежда сходятся в настоящем как полнобытийственном мгновении. Так моя жизнь, только в сей миг и живая, переводится в ранг вечности, если тот, кто живет, зрит себя в зеркале жизненной смерти /смерти Иисуса Христа, собственной смерти, посмертной жизни после Страшного суда/.